

[Рец. на: / Review of:] **M. Bergelson, D. Zoumpalidis (eds.). *Multilingual Moscow: Dynamics of language and migration in a capital city***. Berlin; Boston: De Gruyter Mouton, 2024. xi+188 pp. (Language contact and bilingualism, 22.) ISBN: 978-3-11-075111-6.

Юлия Вячеславовна Синицына

Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия;
jv.sinitsyna@yandex.ru

DOI: 10.31857/0373-658X.2025.6.144-151

Julia V. Sinitsyna

Lomonosov Moscow State University, Moscow,
Russia; jv.sinitsyna@yandex.ru

Сборник «Многоязычная Москва: языковая и миграционная динамика в столице» под общей редакцией М. Б. Бергельсон и Д. Ю. Зубалова посвящен описанию социолингвистической ситуации в Москве. Основные темы, которые обсуждаются в сборнике: особенности языкового ландшафта в многоязычном мегаполисе; вопросы, связанные с миграцией и в частности с образованием нерусскоязычных детей мигрантов; языковые практики представителей миноритарных этносов. Редакторы позиционируют данный сборник как «первую попытку» обзора социолингвистической ситуации российской столицы, не претендуя, впрочем, на целостное представление всего языкового многообразия Москвы (с. 1).

Лингвистическое разнообразие Москвы прежде уже было кратко охарактеризовано в работе [Fedogova, Varanova 2018], входящей в сборник [Smakman, Heinrich 2018], посвященный городской социолингвистике. Тем не менее одна глава не может уместить все исследовательские вопросы, связанные с изучением языковых практик многомиллионного мегаполиса, — направления социолингвистических исследований, набирающего популярность в последние годы. Таким образом, настоящий сборник находится в одном ряду с исследованиями таких мегаполисов, как Нью-Йорк [García 2001], Берлин [Stevenson 2017], Сидней [Chik et al. 2019] и др. (с. 2).

Сборник состоит из вступительного слова от редакторов, восьми глав и заключительных замечаний, которые имеют общую нумерацию вместе с основными главами, в отличие от вступления. Помимо этого, в книгу входит предметно-языковой указатель, а также списки рисунков, таблиц и карт. Библиография приводится отдельно для каждой главы. Все главы примерно одинакового объема (около 20 страниц), за исключением пятой главы, объем которой составляет 30 страниц (что отчасти можно объяснить особенностями представления иллюстративного материала).

Первые две главы освещают исследования более общего характера — современных тенденций в образовательной системе и лингвистического ландшафта Москвы (глава 1), а также вопросов внутренней миграции и поддержания родного языка в условиях преимущественно русскоязычной среды (глава 2). Последующие главы посвящены более частным проблемам, которые можно соотнести с одной из тем, заявленных в первых главах. Фактически в сборнике подробно раскрываются два сюжета: адаптация мигрантов в языковом сообществе Москвы, в частности интеграция нерусскоязычных детей в московские школы (главы 1, 3, 4), и исследования языковых практик и отношения к языку на индивидуальном уровне и на уровне этноязыкового сообщества (главы 2, 5–8). Далее мы подробнее остановимся на конкретных исследованиях не в порядке следования глав, а в соответствии с объединяющей их тематикой.

Как отмечает Б. Спольски, школьное образование — одна из важнейших областей распространения языковой политики [Spolsky 2004: 46]. Комплексная проблема интеграции мигрантов в московское общество рассматривается в сборнике с точки зрения образовательной системы — в частности языковой политики Москвы в системе среднего образования, и, как следствие, проблем интеграции в общество детей мигрантов, плохо говорящих по-русски. Данный сюжет подразумевает два отчасти противоположных вопроса: необходимость обучения детей мигрантов русскому как иностранному (далее — РКИ) и вместе с тем поддержание интереса к своему родному языку.

В первой главе «Динамика языковой политики в Москве, образование и лингвистический ландшафт» («**Language policy dynamics in metropolitan Moscow, education and linguistic landscape**»; А. А. Кибрик, Е. Деминцева и Д. Зубалов) последовательно рассматриваются три периода языковой политики Москвы в сфере образования: советский, постсоветский (1990-е и 2000-е гг.) и новейший, начавшийся в 2010-е гг. Советский и постсоветский периоды характеризуются поддержкой русского языка на государственном уровне. При этом увеличение притока мигрантов из бывших советских республик в 1990-е гг. привело к появлению в Москве детей, не изучавших прежде русский язык. В целях интеграции таких детей в общество, а также сохранения их культурного наследия в Москве открываются национальные школы, поддерживаемые на правительственном уровне. За 10 лет, с 1998 по 2008 г., число таких школ увеличилось почти вдвое — с 47 до 80 школ. В этот же период появляются курсы повышения квалификации для учителей, а также отдельные курсы РКИ для детей мигрантов, направленные на подготовку к обычной школе. Таким образом, в языковой политике первого двадцатилетия новейшей истории России и Москвы успешно сочетались необходимость государственной поддержки мер по изучению русского языка как средства межнационального взаимодействия и меры по сохранению культурного наследия населяющих Москву народов.

В 2010-е гг. ситуация меняется: прекращается финансирование курсов РКИ, закрываются национальные школы — как отмечают авторы, к настоящему времени в Москве не осталось ни одной. Все меры по поддержке детей мигрантов в изучении русского языка и их адаптации в новом обществе переключаются на частные центры (подробное исследование частных инициатив приводится в третьей главе). Школы вынуждены иметь дело с многонациональными классами, в которых уровень знания РКИ у нерусскоязычных детей может сильно варьироваться, при том что в образовательной программе нет возможности заниматься обучением детей именно РКИ. Подробнее данная проблема рассматривается в четвертой главе.

Отдельное внимание авторы уделяют школам, в которых учатся дети мигрантов. На данный момент нет программ интеграции таких детей, как и нет специальных курсов РКИ. Несмотря на то что предполагается, что записанный в школу ребенок может говорить по-русски, на деле действительный уровень знаний выясняется на первых уроках. Отсутствие достаточных знаний приводит лишь к формальному, но фактически бессмысленному посещению ребенком школы. Хотя, как утверждают авторы со ссылкой на четвертую главу настоящего сборника, есть и успешные примеры интеграции детей.

Частные инициативы по обучению РКИ более подробно рассматриваются в третьей главе «Мультинаправленные инициативы в языковом планировании на микро-уровне: образовательные проекты для мигрантов в Москве» («**Multidirectional initiatives in micro-level language planning: Educational projects for migrants in Moscow**») В. Барановой, К. Федоровой и А. Тер-Сааковой. Материалами для исследования послужили преимущественно экспертные интервью с активистами, а также сумма наблюдений одного из авторов статьи А. Тер-Сааковой, которая активно вовлечена в преподавание миноритарных языков и консультирование школьных учителей. Помимо этого, авторы используют официальные данные из открытых источников.

Основная проблема, на которую обращают внимание авторы, связана с нехваткой квалифицированных кадров. Преподаватели не владеют методиками преподавания РКИ,

поэтому в первую очередь помогают детям с выполнением домашнего задания для школы, при этом сами уроки, как правило, также проходят на русском без языка-посредника. Такие условия не могут гарантировать овладение русским языком на требуемом уровне.

В вопросе поддержки процесса адаптации мигрантов на государственном уровне авторы отмечают наличие необходимой информации исключительно на русском языке, что значительно затрудняет прохождение формальных процедур для не знающих русский язык в достаточной степени. В частности, авторы приводят в пример сайты государственных структур (министерства внутренних дел, включая миграционный отдел¹, а также московского многофункционального миграционного центра²), которые имеют крайне скудные нерусскоязычные версии с ограниченными функционалом, при том что интерфейс на русском языке не доступен непосредственно целевой аудитории таких сайтов³.

В четвертой главе «Языковые практики на микро-уровне: случай мультикультурной московской школы» («**Language practices at the micro-level: The case of a multicultural school in Moscow**») Д. Зубалов, О. Синионова, М. Бурдыгина, А. Афанасьева и П. Ализаде исследуют образовательные процессы в школе, где обучаются представители разных национальностей с минимальным владением русским языком. Авторы фокусируют внимание на практическом опыте учителей, работающих в многоязычных классах и обеспечивающих интеграцию детей мигрантов в русскоязычное сообщество. В исследовании используются как качественные данные, полученные в ходе интервью с учителями, так и количественные, собранные в ходе анкетирования школьников. Анкетирование содержало вопросы о самоидентификации школьников, а также оценку владения русским и этническим языком. Таким образом, авторам удается обеспечить комплексный подход к исследуемому вопросу и на основании полученных данных предложить несколько рекомендаций, призванных решить выявленные в ходе исследования проблемы:

- уделять больше внимания навыку чтения на русском языке, что должно помочь ученикам лучше структурировать свои мысли и анализировать новую информацию;
- реализовывать образовательные процессы без формальных средств оценивания с целью уменьшения связанного с этим стресса у обучающихся и делить учеников на языковые группы в зависимости от уровня владения языком, а не от возраста;
- увеличить количество часов РКИ в неделю и использовать специальные учебники, а также обеспечить преемственность методического опыта учителей, так чтобы новые учителя не испытывали сложностей в связи с незнанием особенностей преподавания в многонациональных классах;
- разнообразить процесс обучения с помощью интерактивных методов с целью повышения мотивации детей к учебе;
- наконец, необходимо создать безопасную и психологически комфортную среду для всех учеников, что также должно повышать мотивацию.

В третьей и четвертой главах также кратко обсуждаются проблемы, связанные с сохранением интереса к этническому языку и национальным культурным традициям в условиях иноязычного окружения. Более подробно эти вопросы освещены в следующей группе глав на конкретных примерах этноязыковых сообществ.

Вторая глава «**Внутренняя миграция и сохранение языка в Москве**» («**Internal migration and language maintenance in Moscow**») Ю. Корякова и Ю. Мазуровой посвящена лингвистическим аспектам внутренней миграции в Москву и проблеме использо-

¹ <https://мвд.пф>

² <https://mc.mos.ru>

³ На момент написания рецензии (январь 2025 г.) сайт МВД по-прежнему предоставляет доступ к онлайн-сервисам только на русском языке. Англоязычной версии сайта миграционного центра все еще нет, а из перечисленных в главе иноязычных версий на молдавском, азербайджанском, узбекском, таджикском и украинском языках отсутствует последний, при этом форма предварительной записи для подачи документов также доступна только на русском языке.

вания и сохранения родного языка в условиях жизни в мегаполисе. Авторы опираются на данные социолингвистических интервью (индивидуальных и групповых), опросники и включенное наблюдение со стороны самих членов сообществ, а также приводят данные из официальных источников. В небольшой обзорной части они приходят к выводу, что в Москве фактически нет практической нужды использовать другие языки, кроме русского, который доминирует во всех сферах.

Кроме этого, авторы комментируют ситуацию в национальных республиках, в которых конкурируют два языка: русский и соответствующий официальный язык республики. Отмечается, что отношение к национальному языку менялось с советских времен, когда русский воспринимался как более престижный и прогрессивный вариант. В настоящее время интерес к национальным языкам возрождается, и такие языки начинают восприниматься как способ самоидентификации, что повышает их значимость. Тем не менее, жизнь в крупном городе определяет использование языков скорее исходя из практических соображений, а не престижа. Русский язык в Москве покрывает все коммуникативные нужды, соответственно нет объективной необходимости пользоваться другими языками. Таким образом, желающим сохранить и поддерживать свой родной язык необходимо самостоятельно создавать условия для его использования.

Краткий обзор продолжают исследования функционирования конкретных языков: ингушского (< нахско-дагестанские), осетинского (< иранские), карачаево-балкарского, татарского (< тюркские), калмыцкого (< монгольские), мордовского, ненецкого (< уральские). Авторы приводят данные о количестве говорящих на этих языках в Москве (по данным Всероссийской переписи населения-2020), а также делают выводы об имеющихся функциях языка на основании интервью с носителями и внешнего наблюдения. Обобщенные данные по всем языкам собраны в таблицу, что позволяет более наглядно сопоставить результаты исследования.

Ключевое значение занимает определение функций родного языка, которые авторы перечисляют вслед за [Куцаева 2018: 124]: коммуникация и передача информации, секретный язык, символическая функция, прослушивание песен, использование языка в обрядах и религиозных церемониях, внутренняя речь. По итогам исследования, главную — коммуникативную — функцию сохраняет только ингушский язык. Карачаево-балкарский и татарский языки имеют скорее символическое значение, хотя в некоторых случаях также остаются средством общения в семейном кругу или на работе. Осетинский, мордовский и ненецкий языки еще реже используются в качестве средства общения в близком кругу, а у калмыцкого остается только символическая функция. Выявленные функции также коррелируют со степенью передачи языка следующему поколению, появившемуся уже в городских условиях: только у ингушского языка эта степень высокая, в то время как остальные языки уже практически не передаются детям.

Шестая глава «Семейная языковая политика в черкесском сообществе в Москве» («**Family language policy in the Circassian community in Moscow**», М. Каде, Д. Зубалов) и седьмая глава «Марийское сообщество в Москве: сохранение этнического языка в городской среде» («**The Mari community of Moscow: Ethnic language maintenance in urban settings**», М. В. Куцаева) посвящены исследованию языковых практик в адыгских⁴ (Adyghe) и марийских⁵ этнических сообществах и, таким образом, дополняют исследо-

⁴ В российской традиции принято выделять два языка — адыгейский и кабардино-черкесский (<https://jazykirf.iling-ran.ru/groups/Abkhaz-Adyghean.shtml>), на что авторы также обращают внимание, но в главе используют название «адыгские языки» для отсылки к обоим идиомам без дальнейшей конкретизации по тексту.

⁵ Автор исследования марийского этноязыкового сообщества рассматривает марийский как единый язык, относя его варианты (горный, луговой, восточный и северо-западный по одной классификации и восточный и западный, согласно другой) к диалектам. В то же время современные исследователи выделяют два марийских языка: лугово-восточный марийский и горномарийский (<https://jazykirf.iling-ran.ru/groups/Mari-Mordvin.shtml>).

вания этноязыковых сообществ во второй главе. Обе главы охватывают относительно равные по численности выборки информантов (125 и 106 человек соответственно) и схожие вопросы, касающиеся языковой биографии, степени владения этническим языком и его использованием в повседневной жизни, языковых практик и отношения к этническому языку. При этом исследование адыгского этноязыкового сообщества концентрируется на вопросах, связанных с семейной языковой политикой, в то время как в седьмой главе значительное внимание также уделяется культурным особенностям и традициям, способствующим сохранению этнического языка.

Авторы исследования адыгского этноязыкового сообщества не оговаривают, какое количество опрошенных относится к первому или ко второму поколению мигрантов. Из данных о месте рождения информантов (таблица 6.1, с. 122, а также с. 123) можно предположить, что семь человек, родившихся в Москве, относятся ко второму поколению мигрантов, однако этническая принадлежность этих людей специально не комментируется. Большинство опрошенных — молодые люди от 18 до 24 лет и не имеют детей, таким образом, ответы на вопросы о передаче этнического языка следующему поколению носят гипотетический характер.

Более половины респондентов указали владение адыгскими языками на удовлетворительном или хорошем уровне. На основе этих данных авторы делают вывод о потенциальной востребованности и значимости для сохранения языка таких мероприятий, где есть возможность говорить на этническом языке — например, языковых клубов. Большинство опрошенных респондентов указали адыгские языки как средство общения со старшими родственниками, а также хотели бы передать этнический язык своим детям. В то же время носители чувствуют, что в настоящее время адыгские языки фактически имеют только символическую функцию. Тем не менее задачи сохранения навыков владения языком на достаточном уровне и передачи его следующим поколениям осложняются русскоязычным окружением и особенностями жизни в современном мегаполисе.

В седьмой главе «Марийское сообщество в Москве: сохранение этнического языка в городской среде» («**The Mari community of Moscow: Ethnic language maintenance in urban settings**», М. В. Куцаева) последовательно рассматриваются факторы, способствующие и препятствующие сохранению марийских языков в первом поколении и передаче следующему поколению. Соотношение по возрастам в выборке более равномерно по сравнению с выборкой из шестой главы, хотя и с перевесом в сторону более молодых респондентов (22–40 лет, таблица 7.2 на с. 136). Мнения относительно передачи этнического языка следующему поколению получены от 33 информантов, имеющих детей или внуков дошкольного и школьного возраста.

К факторам, благоприятствующим сохранению языка в первом поколении, относятся контакты с другими марийцами, проживающими в Москве, прослушивание и/или исполнение марийских песен, а также использование цифровых технологий для доступа к различному контенту на этническом языке. К последним относятся, например, просмотр марийских групп в социальных сетях, чтение интернет-версий марийских газет, организация прямых трансляций мероприятий на марийском языке. К факторам, способствующим передаче языка детям, респонденты отнесли использование марийских языков как средства общения внутри семьи, обращение к марийской культуре (например, песням на марийском), а также контакты детей со старшими родственниками в марийских деревнях. Последнее, впрочем, не гарантирует однозначно более глубокого погружения в марийскоязычную среду. Одна из причин, которую автор приводит, ссылаясь на слова респондентов, состоит в том, что контакты со сверстниками скорее всего будут проходить на русском языке.

Препятствует сохранению и передаче языка следующим поколениям негативное отношение носителей к языку и, как следствие этого, стигматизация языковых практик и идеологий. Сами носители относятся к марийскому как к языку второго сорта и не верят, что в будущем марийский будет иметь какую-либо ценность (в отличие от русского, английского и китайского). И несмотря на то, что в заключении автор отмечает некото-

рые позитивные изменения в отношении к языку у первого поколения (особенно более молодых) членов этноязыкового марийского сообщества Москвы, еще рано постулировать существенный перелом глубоко укоренившихся негативных языковых идеологий, мешающих передаче языка.

Исследование в восьмой главе «Русские немцы как этнолингвистическое сообщество: историческое развитие и текущее состояние группы молодых людей в Москве» («**Russian Germans as an ethno-linguistic community: Historical development and current state of the youth age group in Moscow**») Д. Рязанцевой и М. Бергельсон также посвящено конкретному этноязыковому сообществу — на этот раз русских немцев. Авторы ставят перед собой две задачи: во-первых, рассмотреть длительную историю существования немецкой диаспоры в Москве (первое упоминание которой относится к XV в.) в контексте влияния немецкой культуры на формирование облика города, а во-вторых, проанализировать четыре подробных интервью с молодыми (до 35 лет) представителями данного сообщества. Несмотря на совершенно разные биографии опрошенных молодых людей, авторам удастся найти общие черты их языковой истории. Так, все четверо редко используют немецкий язык в повседневной жизни и не хотят переезжать в Германию. В то же время молодые люди отмечают важность сохранения и передачи языкового и культурного наследия своим потомкам.

Мы отнесли пятую главу «Наративы о языковой адаптации: ценности многоязычных жителей Москвы» («**Narratives of linguistic adaptation: Values of multilingual Moscow residents**») М. Бергельсон, М. Грабарника и П. Али-заде к группе глав, поднимающих вопросы, связанные с исследованиями этноязыковых сообществ, — в частности в контексте языковых установок и отношения к языку представителей сообществ. Тем не менее в этой главе исследование сосредоточено именно на дискурсивных практиках билингвальных говорящих, а именно на роли и функции такого дискурсивного маркера, как смущенный смех (*embarrassment laughter*, далее — EL). Подробный анализ EL в дискурсе, посвященном многоязычному опыту говорящих, призван, по мнению авторов, выявить ценности говорящих как представителей языкового меньшинства в преимущественно русскоязычном окружении.

Большое внимание (около половины объема главы) уделено теоретическим и методологическим основам исследования. Авторы анализируют данные 47 записей полуструктурированных интервью как с представителями стран постсоветского пространства (включая Таджикистан, Узбекистан, Киргизию, Украину, Армению, Молдавию, Грузию, а также Болгарию), так и с носителями миноритарных языков России (впрочем, авторы не приводят подробных количественных данных относительно национальностей, половозрастного состава и т. д.). В результате авторы рассматривают EL в контексте обсуждения многоязычного опыта интервьюируемых как сигнал о том, что в данный момент говорящий испытывает сложности или что его установки и представления о ценностях подвергаются сомнению.

Например, проблема «расщепленной идентичности» характерна для носителей независимо от возраста, а более молодые носители отмечают сложности в ситуации получения образования на неродном для них языке, который они знают недостаточно хорошо. Также для молодых носителей конфликт ценностей заключается в следующих установках: плохо забывать (не поддерживать) свой этнический язык и хорошо владеть русским языком на высоком уровне; хорошо знать больше одного языка, но плохо смешивать языки в своей речи. Смещение кодов в речи воспринимается людьми как неопытность говорящего, отсутствие у него достаточных навыков. Подобные установки переносятся на билингвальных носителей, для которых русский не является родным, преимущественно мигрантов.

Сборник отличает разнообразие поднимаемых вопросов, иллюстративного материала, методов. Авторы обращаются к количественным данным из официальных источников (например, переписей 2010 и 2020 гг.) и собранных в ходе собственных исследований. Важны и качественные методы: интервью, включенное и внешнее наблюдение. Отдель-

но отметим метод дискурсивного анализа, который позволяет с новой стороны взглянуть на проблемные аспекты социализации в преимущественно одноязычном сообществе людей с многоязычным опытом.

Еще одно несомненное достоинство сборника заключается в большом внимании к частным некоммерческим инициативам, направленным на поддержание этнического языка (например, марийский культурный центр в Москве⁶, проект «Школа языков соседей», «Эльбрусид»⁷) и на помощь в освоении РКИ, в особенности детьми нерусскоязычных мигрантов (например, программа социальной и языковой адаптации «Одинаково разные»⁸, благотворительный проект «Перелетные дети»⁹).

Отметим и некоторые недостатки сборника. На наш взгляд, книга бы выиграла, если бы между главами прослеживалось больше взаимосвязей — например, в виде перекрестных отсылок на исследования в других главах. Всего мы обнаружили три отсылки в первой и второй главах, однако это число можно было бы увеличить, например, проведя параллели между выводами о выявленных установках носителей в ходе исследования методом дискурсивного анализа в пятой главе и в ходе исследования марийского этноязыкового сообщества в седьмой главе. Методологически и идеологически схожие работы, к которым можно отнести конкретные исследования этноязыковых сообществ во второй главе, а также шестую, седьмую и восьмую главы, практически не объединяются, за исключением одной отсылки во второй главе.

Из более частных замечаний выделим комментарий на с. 129 относительно невозможности привести точные данные по численности черкесов и адыгейцев в Москве. Эта информация есть в данных Всероссийской переписи населения 2020, к которой обращаются авторы исследований других этноязыковых сообществ во второй и седьмой главах. Если авторы главы не считают возможным привести количественные данные из переписи по каким-то своим причинам, стоило бы это оговорить.

Кроме того, несмотря на то, что сборник был издан в 2024 г., некоторые исследования опираются на более ранние данные, которые могут быть устаревшими. В частности, есть основания полагать, что на момент выхода сборника не все из приведенных некоммерческих инициатив продолжали работать¹⁰.

В тексте минимальное количество опечаток. В пятой главе отсутствует форматирование подзаголовков второго уровня во втором и третьем разделах.

Тем не менее, несмотря на замечания, сборник является прекрасным дополнением исследований в области городской социолингвистики, в особенности вопросов, связанных с жизнью многомиллионных многоязычных мегаполисов. Авторы поднимают крайне сложные и неоднозначные темы, которые можно считать актуальными и для других регионов Российской Федерации. Результаты исследований не только вносят существенный теоретический вклад в изучение проблематики городской социолингвистики, языковой политики и смежных областей, но и являются серьезным подспорьем в решении практических задач по устранению пробелов в обучении мигрантов РКИ и сохранению и передаче этнических языков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Куцаева 2018 — Куцаева М. В. *Функционирование чувашского языка в диаспоре московского региона*. Дис... канд. филол. наук. М.: Институт языкознания РАН, 2018. [Kutsaeva M. V. *Funktsionirovanie chuvashskogo yazyka v diaspore moskovskogo regiona* [The functioning of Chuvash in

⁶ <https://mosko-marij-tvyra-rder.clients.site/>

⁷ <http://www.elbrusoid.org/>

⁸ <https://odinakovo-raznie.ru/>

⁹ <https://pereletnye-deti.ru/>

¹⁰ На момент написания рецензии (январь 2025 г.) нам не удалось найти информации о работе центров «Bilim», «Мир Вам».

- the diaspora of the Moscow region]. Candidate diss. Moscow: Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, 2018.]
- Chik et al. 2019 — Chik A., Benson P., Moloney R. (eds.). *Multilingual Sydney*. New York: Routledge, 2019.
- Fedorova, Baranova 2018 — Fedorova K., Baranova V. Moscow: Diversity in disguise. *Urban sociolinguistics: The city as a linguistic process and experience*. Smakman D., Heinrich P. (eds.). London: Routledge, 2018, 220–236.
- García 2001 — García O. New York's multilingualism: World languages and their role in a U. S. city. *The multilingual apple. Languages in New York City*. García O., Fishman J. A. (eds.). Berlin: Mouton De Gruyter, 2001, 3–50.
- Smakman, Heinrich 2018 — Smakman D., Heinrich P. (eds.). *Urban sociolinguistics: The city as a linguistic process and experience*. London: Routledge, 2018.
- Spolsky 2004 — Spolsky B. *Language policy*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2004.
- Stevenson 2017 — Stevenson P. *Language and migration in a multilingual metropolis: Berlin lives*. Houndmills: Palgrave Macmillan, 2017.

Получено/received 20.02.2025

Принято/accepted 25.03.2025

Вопросы языкознания
научный журнал Российской академии наук
(свидетельство о СМИ ПИ № ФС77-77284 от 10.12.2019 г.)

Оригинал-макет подготовлен В. Ю. Гусевым

Адрес редакции: 119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2,
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, редакция журнала «Вопросы языкознания»,
тел.: +7495637-25-16, e-mail: vopjaz@pran.ru, voprosy@mail.ru

---

Подписано к печати 99.99.2025. Дата выхода в свет 99.99.2025. Формат 70×100 ¼.
Усл. печ. л. 99,9. Уч.-изд. л. 99,9. Тираж 999 экз. Заказ 999. Цена свободная

Учредители: Российская академия наук, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Издатель: Российская академия наук, 119991 Москва, Ленинский просп., 14
Исполнитель по контракту № 4У-ЕП-020-2-25 ФГБУ «Издательство “Наука”»

16+

121099, г. Москва, Шубинский пер., д. 6, стр. 1
Отпечатано в ФГБУ «Издательство “Наука”»
121099, г. Москва, Шубинский пер., д. 6, стр. 1